

George Gordon Byron

THE AGE OF BRONZE

TWO POEMS

Джордж Гордон Байрон

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

ДВЕ ПОЭМЫ

Перевод с английского

Москва «Текст» 2020

CONTENS

6 THE AGE OF BRONZE, or
CARMEN SECULARE ET ANNUS HAUD MIRABILIS

THE ISLAND, or
CHRISTIAN AND HIS COMRADES

68 Canto the first
86 Canto the second
126 Canto the third
144 Canto the fourth

СОДЕРЖАНИЕ

БРОНЗОВЫЙ ВЕК, или CARMEN SECULARE ET ANNUS HAUD MIRABILIS <i>Перевод Ю. Балтрушайтиса</i>	7
--	---

ОСТРОВ, или ХРИСТИАН И ЕГО ТОВАРИЩИ <i>Перевод Вяч. Иванова</i>	
Песнь первая	69
Песнь вторая	87
Песнь третья	127
Песнь четвертая	145
Комментарии	176

THE AGE OF BRONZE, or
CARMEN SECULARE ET ANNUS HAUD
MIRABILIS

Impar Congressus Achilli.

I

The “good old times” — all times when old are good —
Are gone; the present might be if they would;
Great things have been, and are, and greater still
Want little of mere mortals but their will:
A wider space, a greener field, is given
To those who play their “tricks before high heaven.”
I know not if the angels weep, but men
Have wept enough — for what? — to weep again!

БРОНЗОВЫЙ ВЕК, или
CARMEN SECULARE ET ANNUS HAUD
MIRABILIS*

Impar Congressus Achilli.**

I

За «добрым старым временем» вослед —
Вся быль — добро — дела текущих лет
Пошли; в них все зависит лишь от нас;
Великое свершалось уж не раз,
И большого возможно в мире ждать,
Лишь стоит людям тверже пожелать:
Велик простор, безмерна даль полей
Для тех, кто полон замыслов, затей.
Не знаю, плачут ангелы иль нет,
Но человеку — так устроен свет —
Немало слез пришлось уже пролить.
Зачем? — Чтоб снова плакать и тужить.

---

* Мирская песнь на скверный год (*лат.*).

** Негодный сражаться с Ахиллом (*лат.*).

II

All is exploded — be it good or bad.
Reader! remember when thou wert a lad,
Then Pitt was all; or, if not all, so much,
His very rival almost deemed him such.
We — we have seen the intellectual race
Of giants stand, like Titans, face to face —
Athos and Ida, with a dashing sea
Of eloquence between, which flowed all free,
As the deep billows of the Ægean roar
Betwixt the Hellenic and the Phrygian shore.
But where are they — the rivals! a few feet
Of sullen earth divide each winding sheet.
How peaceful and how powerful is the grave,
Which hushes all! a calm, unstormy wave,
Which oversweeps the World. The theme is old
Of “Dust to Dust,” but half its tale untold:
Time tempers not its terrors — still the worm
Winds its cold folds, the tomb preserves its form,
Varied above, but still alike below;
The urn may shine — the ashes will not glow —
Though Cleopatra’s mummy cross the sea
O’er which from empire she lured Anthony;
Though Alexander’s urn a show be grown
On shores he wept to conquer, though unknown —
How vain, how worse than vain, at length appear
The madman’s wish, the Macedonian’s tear!
He wept for worlds to conquer — half the earth
Knows not his name, or but his death, and birth,

II

Добро иль зло — все гибнет без следа.
Читатель! вспомни молодость, когда
Наш Питт был все иль очень много, — так
Судил о нем его соперник, враг.
Мы созерцали род богатырей,
Титанов духа, в распре долгих дней,
Атос и Иду, с морем звонких слов
Неистово гремевшим меж борцов,
Как в бурный час шумит эгейский вал
Меж греческих и меж фригийских скал.
Но где ж борцы?.. В безмолвии могил
Лишь слой земли их кости разделил.
Как смерть всегда спокойна и властна,
Смирняя все!.. Безбурная волна
В просторе мира. Смысл старинных слов
«Из праха — в прах» всегда и всюду нов:
В них вечный ужас смерти; перед ним
Бессильно время; червь неутомим,
И гроб хранит свой облик в тишине —
Различный сверху, тот же в глубине.
Сверкает урна, прах остыл навек,
Пусть пепел Клеопатры пересек
Морской простор, по чьим волнам она
Антония от царства увлекла;
Пусть урна Александра, скорбный прах,
Стоит теперь на чуждых берегах,
Что он, рыдая, жаждал покорить, —
Как был бесцелен, если рассудить,
Весь этот плач, как горестно пуста

And desolation; while his native Greece
Hath all of desolation, save its peace.
He “wept for worlds to conquer!” he who ne’er
Conceived the Globe, he panted not to spare!
With even the busy Northern Isle unknown,
Which holds his urn — and never knew his throne.

III

But where is he, the modern, mightier far,
Who, born no king, made monarchs draw his car;
The new Sesostris, whose unharnessed kings,
Freed from the bit, believe themselves with wings,
And spurn the dust o’er which they crawled of late,
Chained to the chariot of the Chieftain’s state?
Yes! where is he, “the champion and the child”
Of all that’s great or little — wise or wild;
Whose game was Empire, and whose stakes were thrones;
Whose table Earth — whose dice were human bones?
Behold the grand result in yon lone Isle,
And, as thy nature urges — weep or smile.
Sigh to behold the Eagle’s lofty rage
Reduced to nibble at his narrow cage;
Smile to survey the queller of the nations
Now daily squabbling o’er disputed rations;

Была безумца алчная мечта!
В слезах, миров алкал он, — полземли
Не знает, кто он, или только дни
Рожденья — смерти, скорбь и торжество
Опустошенья; в мире от него
Все, все осталось Греции родной,
Что есть в пустыне, только не покой.
Стяжать миры он горестно алкал —
Земли и той не зная, как не знал,
Где этот остров северный лежит,
Что, чуждый царству, прах его хранит.

III

Но где сильнейший, витязь наших дней,
Что, сам не царь, обуздывал царей
Тот, чье ярмо низвергнув, короли,
Что нового Сезостриса влекли,
Хотят парить, поправ тот прах, где им
Пришлось плестись с владыкою своим?
Где он, дитя, — оплот всему, что — бред,
Что — высь и низь, в чем вещей мысли свет?
В чьих играх в царства ставкой был престол;
Чьи кости — люди, мир — игральный стол?
Заплачь, взглянув на скорбный островок,
Иль улыбнись, — в нем сведен весь итог!
Вздохни при виде вольного орла,
Кого недоля к клетке привела;
Взгляни с улыбкой, как гроза племен
На вечный спор о пище осужден;

Weep to perceive him mourning, as he dines,
O'er curtailed dishes and o'er stinted wines;
O'er petty quarrels upon petty things.
Is this the Man who scourged or feasted kings?
Behold the scales in which his fortune hangs,
A surgeon's statement, and an earl's harangues!
A bust delayed, — a book refused, can shake
The sleep of Him who kept the world awake.
Is this indeed the tamer of the Great,
Now slave of all could tease or irritate —
The paltry gaoler and the prying spy,
The staring stranger with his note-book nigh?
Plunged in a dungeon, he had still been great;
How low, how little was this middle state,
Between a prison and a palace, where
How few could feel for what he had to bear!
Vain his complaint, — My Lord presents his bill,
His food and wine were doled out duly still;
Vain was his sickness, never was a clime
So free from homicide — to doubt's crime;
And the stiff surgeon, who maintained his cause,
Hath lost his place, and gained the world's applause.
But smile — though all the pangs of brain and heart
Disdain, defy, the tardy aid of art;
Though, save the few fond friends and imaged face
Of that fair boy his Sire shall ne'er embrace,

Заплачь над тем, как прежний властелин
Скорбит, что мало кушаний и вин;
Взвесь мелкий спор о жалких мелочах,
В котором он томился и зачах.
Да он ли — тот, кто правящих казнил,
Кто с ними часто кубок свой делил?
А кто ему выносит приговор?..
Отчет хирурга, графа звонкий вздор!
Лишить ли книги, в бюсте ль отказать
Достаточно, чтоб начал он страдать,
Чтоб тот ни сна, ни отдыха не знал,
Пред кем весь мир бессонный трепетал!
Ужель то он, кто смять великих мог,
А ныне — раб, с кем каждый нагл и строг, —
И подлый страж, и сыщик, и чужой,
Что смеет рыться в книжке записной?
В глухой тюрьме он мог бы быть велик;
Как меж тюрьмой и замком он поник,
На той меже, где редкий понимал,
Какую муку в сердце он скрывал!
Он ропщет тщетно: смысл закона строг,
Он получал положенный паек...
Он болен — вздор! Изъезди целый свет,
Другой страны целительнее нет;
И врач, что верил жалобам его,
Лишился скоро места своего.
Но пусть он знал всю боль душевных мук,
Презренье, наглость, длительный недуг;
Пусть сверх друзей — к ногам его приник
В последний час лишь мнимый светлый лик,